

■ Теоретико-методологическая статья / Theoretical and methodological article
УДК/UDC 159.923.2

Личностная эффективность в антропологической перспективе: от концепта к операциональной модели

О. В. Иванова, А. Ю. Маленова
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского. Омск, Россия

АННОТАЦИЯ Статья представляет результат теоретико-методологической работы по операционализации и обоснованию конструкта «личностная эффективность» в контексте развития человекоцентричных ценностей в различных сферах. Опираясь на фундаментальные (экзистенциальные, субъектно-деятельностные) теории личности, авторы предлагают собственное определение феномена личностной эффективности как устойчивого проявления интегральных характеристик личности в деятельности, а также структурную модель, включающую в себя три измерения: интраперсональное, интерперсональное и метаперсональное. Измерения раскрываются через пять компонентов: эмоциональный интеллект, самотрансценденция, личностная зрелость, ответственная автономия, благополучие в деятельности. Обоснована научная новизна подхода и обозначены перспективы применения модели в тех или иных контекстах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА личностная эффективность, человекоцентричность, субъектность, личность, субъект деятельности, личная эффективность, личностный потенциал, теоретическая операционализация

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Иванова, О. В., Маленова, А. Ю. (2025). Личностная эффективность в антропологической перспективе: от концепта к операциональной модели. *Образовательная политика*, 23(4), 20–30

© Иванова О. В., Маленова А. Ю., 2025

Контент доступен под лицензией
Creative Commons Attribution 4 License.
The content is available under
a Creative Commons Attribution 4 License.

Поступила: 06.11.2025
Принята: 20.11.2025
Дата публикации: 30.12.2025

Введение

Сегодня, в соответствии с вызовами времени, особую значимость приобретает развитие гибких моделей, способных одновременно учитывать когнитивно-поведенческие аспекты, глубинную логику человеческого существования и контекстуальную встроенность личности в цифровые и социальные системы. Такие модели закономерно приводят к развитию человекоцентричного подхода, поскольку именно ориентация на целостного человека позволяет сохранить баланс между адаптацией к изменениям и смысловой наполненностью личности в меняющемся мире.

Человекоцентричность, представляя собой принципиально иную философию взаимодействия, возможна только при трансформации собственных психологических

Ольга Владимировна ИВАНОВА

аспирант, кафедра общей и социальной психологии,
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского
(644070, РФ, Омск, пр. Мира, 55-А),
<https://orcid.org/0009-0004-0525-1471>,
e-mail: 777.76@mail.ru

Арина Юрьевна МАЛЕНОВА

к. псих. н., доцент, кафедра общей и социальной
психологии, Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского
(644077, РФ, Омск, пр. Мира, 55-А),
<https://orcid.org/0000-0001-5778-0739>,
e-mail: malyonova@mail.ru

ресурсов и привычных стратегий достижения жизненных целей (Самольянов, 2024). В связи с этим приоритетным становится не поиск оптимальных внешних условий, а развитие внутреннего потенциала личности, способной активно формировать собственную реальность.

Однако в процессе внедрения человекоцентричных практик возникают сложности с внутренней готовностью личности к изменениям и вызовам. Причина – диссонанс между декларируемыми ценностями и возможностями их воплощения. Данные основания позволяют сформулировать принципиальный исследовательский вопрос: какие внутренние ресурсы личности способны обеспечить сохранение устойчивости и эффективности в условиях человекоцентричной среды?

Анализ проблемы внутренних ресурсов личности в процессе человекоцентричных

преобразований настоятельно требует определения социального контекста, при котором его принципы получают институциональное закрепление, личностные адаптационные механизмы проявляются наиболее отчетливо, а эффективность адаптации может быть объективно оценена через конкретные поведенческие и деятельностные проявления. Выделенные основания наиболее полно представлены в профессиональной среде, поскольку именно там сходятся основные векторы личностного бытия: потребность в автономии и причастности, стремление к мастерству и поиск трансцендентных смыслов. Здесь, на пересечении Я и Другого, в ежедневном акте творческого преодоления рождается подлинный опыт самоактуализации. То, как человек выбирает стратегии, реагирует на сложности и преодолевает ограничения, показывает его ключевые черты, определяющие, насколько он способен оставаться собой в противоречивом мире.

Таким образом, выбор рабочей среды в качестве исследовательского поля обусловлен двумя взаимосвязанными факторами. Во-первых, именно в профессиональной деятельности современные человекоцентричные практики находят свое наиболее последовательное воплощение. Во-вторых, это пространство, где личность не просто функционирует, но и реализует себя как субъект, преобразуя внешние требования в материал для собственного развития на протяжении большей части жизни.

Субъектность в человекоцентричной парадигме

Осмысление природы эффективности личности, в том числе и в профессиональной деятельности, закономерно заставляет нас рассмотреть категории субъектности. Историко-теоретическая ретроспектива демонстрирует эволюцию данного конструкта. В 1930–1950-х доминировала модель реактивной личности, трактующая человека как объект внешних детерминант (Staats, 1988). В 1960–1980-е гг. преобладала концепция когнитивного

субъекта (основными представителями являются А. Бандура, Дж. Келли), акцентирующая внимание на активной роли индивида в интерпретации и конструировании реальности посредством внутренних схем (Плотинский, 2010).

Позднее (1990–2010-е гг.) парадигма автономного агента сместила фокус на внутренние источники мотивации (самодетерминации) и ценностно-смысловую регуляцию деятельности (Vallerand, 2000). На современном этапе (с 2010-х гг.) Д. А. Леонтьев и В. А. Петровский разрабатывают иную модель, которая тесно связана с концепцией ответственного субъекта, где атрибутами выступают способность к трансценденции, этической рефлексии, целостности и принятию экзистенциальной ответственности за последствия своих действий (Богданова, 2023).

Согласно определению Д. А. Леонтьева (2010), субъектность представляет собой способность личности к сознательной саморегуляции, свободному ценностно-смысловому самоопределению, преобразующему воздействию на жизненную среду и ответственности. Соответственно, субъектность, понимаемая как мета-способность, определенно предоставляет теоретическую основу для осмысления предпосылок эффективности личности. Однако при рассмотрении ее в пространстве человекоцентричности возникают определенные затруднения, происходящие от онтологического несоответствия между универсальным характером субъектности и феноменологией ее реализации в данном контексте.

Так, общепринятые модели субъектности определяются ориентацией преимущественно на абстрактные инварианты, такие как автономность, инициативность

и рефлексивность и базируются на допущении существования стабильных, универсальных свойств субъекта, проявляющихся независимо от ситуаций и окружения (Брушлинский, 1991, 1994) и трактующихся в широком, почти абсолютном понимании (Осницкий, 1996). Однако в реальной практике, в том числе в реализации человекоцентричных принципов, такое истолкование может оказаться размытым и сложным для измерения.

Дело в том, что поведение субъекта формируется не только внутренними качествами, но и внешними факторами (в данном случае особенностями человекоцентричной среды, культурой, мотивацией). Так, ценностно-смысловое самоопределение обретает характеристики перманентного рефлексивного процесса, требующего разрешения противоречия между инструментальными императивами (оптимизация ресурсов, соблюдение сроков, достижение бизнес-показателей) и человекоцентричными ценностями (саморазвитие, эмпатическая коммуникация, безусловное уважение достоинства каждого).

Следовательно, фундаментальные составляющие субъектности — саморегуляция, самоопределение, преобразующее воздействие, ответственность — неизбежно приобретают иные формы проявления в новой профессиональной среде, которая характеризуется необходимостью постоянного балансирования между требованиями операционной эффективности и императивами человекоцентричности, высокой напряженностью межличностных взаимодействий, насыщенных этическими дилеммами, а также задачей активного конструирования атмосферы психологической безопасности и развития.

ТО, КАК ЧЕЛОВЕК ВЫБИРАЕТ СТРАТЕГИИ, РЕАГИРУЕТ НА СЛОЖНОСТИ И ПРЕОДОЛЕВАЕТ ОГРАНИЧЕНИЯ, ПОКАЗЫВАЕТ ЕГО КЛЮЧЕВЫЕ ЧЕРТЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ, НАСКОЛЬКО ОН СПОСОБЕН ОСТАВАТЬСЯ СОБОЙ В ПРОТИВОРЕЧИВОМ МИРЕ

Обозначенные особенности актуализируют потребность в разработке нового психологического конструкта, способного преодолеть выявленные методологические ограничения, а именно: обеспечить релевантное описание рефлексивно-ценностных аспектов деятельности, конструирование экологически валидных критериев оценки интегральной результативности субъективного влияния, а также выявление механизмов трансформации ценностных ориентаций в устойчивые интерактивные практики.

Личностная эффективность: определение и дифференциальный анализ

В процессе создания нового конструкта центральной задачей стало выявление его сущностных характеристик на основе разработанных с опорой на принципы системности, развития и субъектности критериев. Они приведены ниже.

1. *Обобщенное определение феномена*, требующее формулировки его сущностного ядра через синтез методологически обоснованных теоретических положений (гуманистической, экзистенциальной, субъектно-деятельностной психологии) и эмпирических данных.

2. *Дескрипторы*, выделяемые на основе анализа работ ведущих авторов и репрезентирующие ключевые аспекты личности, вовлеченные в различные феномены (когнитивные, мотивационные, ценностно-смысловые, поведенческие). Например, для феномена личностной эффективности ключевыми дескрипторами выступают целеполагание и управление временем (Мельников, 2009), саморегуляция (Моросанова, 2014).

3. *Доминирующая интенция* фиксирует основную цель или направленность исследовательского и практического интереса к феномену с точки зрения его вклада в понимание личности. Например, для личностного потенциала — это концептуализация внутренних ресурсов адаптации и роста в целом (Леонтьев, 2016).

4. *Фокус внимания* определяет ключевые для исследования и практического применения в рамках конкретной концепции аспекты деятельности и характеристики личности. Например: достижения и статус (профессиональная успешность), ситуативная уверенность (самоэффективность), стратегии управления ресурсами (личная эффективность), адаптационные возможности (личностный потенциал).

5. *Тенденция к универсализации*, позволяющая оценить, в какой степени феномен рассматривается как специфический элемент или как часть интегративной системы, значимой для понимания личности в целом в разнообразных жизненных контекстах.

6. *Рефлексивный вопрос*, имплицитно или эксплицитно направляющий самооценку личности в рамках данной концепции эффективности.

7. *Релевантность принципам человекоцентричности* оценивает соответствие феномена базовым ценностям: сотрудничеству, заботе, благополучию, личностному развитию, уважению уникальности. В данном случае анализировалась ориентация на приоритет межличностных отношений и внутреннего благополучия над сугубо индивидуальными достижениями и внешней мотивацией.

Проведенный теоретический анализ позволил определить границы и особенности разрабатываемой дефиниции, а также избежать дублирования существующих концепций, выбранных исходя из их теоретической значимости, эмпирической изученности и близости к предмету исследования. В этом контексте рассматривались: профессиональная успешность, самоэффективность, личная эффективность и личностный потенциал, широко применяемые в изучении продуктивности и адаптивности личности, в том числе и в профессиональной среде.

Процесс исследования содержательных характеристик выбранных концепций, обладающих несомненной научной ценностью, показал, что их использование в неизменном виде представляется недостаточно релевантным для рассмотрения личностных качеств, детерминирующих

эффективность деятельности в организациях, где приоритетными ценностями выступают человек, его благополучие и вклад в коллективные достижения. Детализация проведенного анализа представлена в таблице 1.

В содержании феномена самоэффективности, концептуализированной А. Бандурой как убежденность в способности организовать и выполнить действия для достижения цели (Bandura, 1982), обнаруживается сосредоточение на когнитивной оценке индивидуальных возможностей и ситуативная ограниченность (Locke, 1990), причем без учета системных личностных свойств — ценностных ориентаций, рефлексии и эмпатии, которые являются необходимыми для создания атмосферы доверия и уважения в человекоцентричной среде (Бабанов, 2023).

В модели личной эффективности, предложенной А. В. Лощаковой (2015) на основе критического теоретического анализа зарубежных и отечественных работ, конструкт описывается как способность оптимально использовать ресурсы для достижения личных целей и повышения качества жизни. По-прежнему доминирует когнитивно-индивидуалистический подход с акцентом на персональных стратегиях управления временем, энергией и когнитивными ресурсами (Антонова, 2020). Углубленное рассмотрение работ, посвященных содержательным характеристикам данного феномена, демонстрирует, что экзистенциальные аспекты (нравственные императивы и потребность в трансценденции) остаются на периферии исследований. В рамках человекоцентричной парадигмы модель обладает двумя ключевыми ограничениями: отсутствие ценностно-смыслового компонента; недостаточное внимание к социально-генеративным механизмам эффективности (Катькало, 2022; Тропникова, 2023).

В ПРОЦЕССЕ СОЗДАНИЯ НОВОГО КОНСТРУКТА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЗАДАЧЕЙ СТАЛО ВЫЯВЛЕНИЕ ЕГО СУЩНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК НА ОСНОВЕ РАЗРАБОТАННЫХ С ОПОРОЙ НА ПРИНЦИПЫ СИСТЕМНОСТИ, РАЗВИТИЯ И СУБЪЕКТНОСТИ КРИТЕРИЕВ

Концепция личностного потенциала, понимаемого как система динамических характеристик, обеспечивающих развитие, самореализацию и адаптацию личности (Васильева, 2016), содержит дескрипторы самодетерминации (Ryan, 2022), креативности (Павлова, 2010), ценностно-смысловой сферы (Романова, 2019), жизнестойкости (Maddi, 1999), что, безусловно, указывает на экзистенциальную глубину и позволяет рассматривать его как системообразующий фактор эффективности, о чем свидетельствуют результаты исследования К. С. Кальбиной (2022). Вместе с тем применение этих подходов в антропоцентричной среде сталкивается с рядом трудностей. Во-первых, остаются недостаточно разработанными механизмы, позволяющие воплотить личностный потенциал в конкретные практики, направленные на обращение к уникальности субъекта и создание атмосферы безусловного уважения и подлинного сотрудничества (столь необходимых для данного подхода (Штроо, 2016). Во-вторых, существует устойчивое рассогласование между индивидуальными смыслами личности и ценностями коллективного благополучия (Николаев, 2025).

Кроме того, сложность связана с разработкой измерительных процедур, способных зафиксировать трансформацию внутренних характеристик субъекта деятельности в наблюдаемые формы его поведения.

В структуре феномена профессиональной успешности, включающей в себя объективные достижения (доход, должность, карьерный рост) (Обознов, 2016), субъективную удовлетворенность трудом (Вечерин, 2011) и признание социумом (Карачарова, 2009), основной фокус смещен в сторону объективных показателей. Эти метрики оставляют за

Табл. 1. Сравнительный анализ рядоположенных феноменов развития и эффективности личности. Источник: разработано авторами. Tabl. 1. Comparative analysis of adjacent phenomena of personal development and effectiveness. Source: developed by the authors.

Критерии	Самоэффективность	Личная эффективность	Личностный потенциал	Профессиональная успешность
Определение	Убежденность человека в способности организовывать и выполнять действия, необходимые для достижения желаемых результатов (А. Бандура, Д. Х. Шунк, Д. Червоне, Э. А. Локк, Г. П. Латам, Р. Е. Вуд, А. А. Деркач, Н. В. Кузьмина, А. А. Реан, Н. С. Пряжников, Э. Ф. Зеер, Э. Э. Сыманюк, Е. Б. Моргунов и др.)	Способность человека оптимально использовать внутренние и внешние ресурсы для достижения значимых целей и повышения качества жизни (Р. Бисвас-Динер, И. А. Ильницкая, А. Б. Лощакова, В. Н. Тропникова, А. Ю. Маленова и др.)	Система динамических характеристик личности, обеспечивающих ее способность к развитию, самореализации и адаптации к изменяющимся условиям среды (Д. А. Леонтьев, В. И. Слободчиков, Ш. Шварц, Л. А. Анцыферова, Б. С. Братусь и др.)	Многомерное понятие, включающее в себя как объективные достижения в карьере, так и субъективное удовлетворение от профессиональной деятельности, а также признание со стороны коллег и общества (Д. Холл, Д. Супер, Т. О. Гордеева, Е. М. Бодров, В. А. Бодров, Н. С. Пряжников, М. Р. Гинзбург и др.)
Основные дескрипторы	• Вера в собственные возможности (А. Бандура); • Стрессоустойчивость (Д. Шварцер, М. Ерусалем); • Целеполагание (Р. Вудкок, Д. Двигтс); • Мотивация к действию (В. Г. Ромек); • Преодоление препятствий (А. С. Шаров, Е. А. Старых).	• Целеполагание и планирование (С. Кови, Б. Трейси); • Управление временем (Д. Аллен); • Саморегуляция (А. А. Деркач, В. И. Моросанова); • Организованность (А. К. Маркова); • Кооперация (Н. В. Антонова).	• Самодетерминация (Д. А. Леонтьев); • Креативность и инновационность (В. И. Слободчиков) • Ценностно-смысловая сфера (В. А. Петровский, Т. А. Флоренская); • Жизнестойкость (Ш. Шварц, С. Мадди); • Потребность в самореализации (Л. А. Анцыферова, Б. С. Братусь).	• Объективные достижения (доход, должность) (Д. Холл, В. А. Бодров); • Субъективная удовлетворенность работой (Э. Ресняк, Т. О. Гордеева); • Признание со стороны коллег и общества (Ш. Сtrykер, Н. С. Пряжников); • Карьерный рост (Д. Супер); • Реализация профессионального потенциала (М. Р. Гинзбург).
Доминирующая интенция	Анализ генезиса и функций субъективных оценок собственной компетентности в регуляции поведения.	Систематизация индивидуальных стратегий оптимального использования ресурсов для достижения целей.	Концептуализация внутренних ресурсов личности, обеспечивающих устойчивость и рост в условиях неопределенности.	Выявление универсальных и контекстно-зависимых закономерностей, определяющих высокие достижения в профессиональной деятельности.
Тенденция к универсализации	Низкая	Средняя	Высокая	Высокая
Доминанта подхода	Уверенность в себе	Управление ресурсами	Адаптация, развитие	Достижения, карьера
Рефлексивный вопрос	Смогу ли я?	Как мне это сделать?	Кто я есть и куда я иду?	Чего я достиг?
Релевантность принципам человекоцентричности	Умеренная	Умеренная	Высокая	Низкая
	Базовый когнитивный компонент требует дополнения социальными и ценностными аспектами	Требует дополнения социальными и ценностно-смысловыми компонентами	Ограничение в описании социально-контекстуальных модусов актуализации потенциала	Преимущественная ориентация на индивидуальные достижения

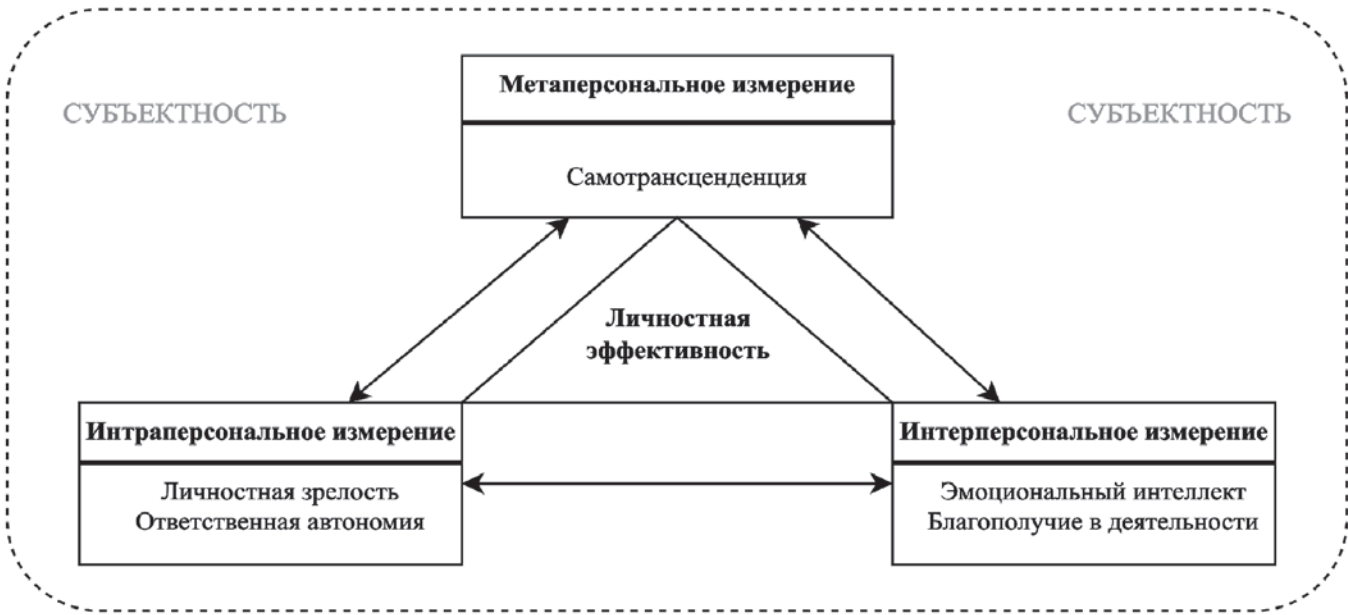

Рис. 1. Теоретическая модель конструкта личностной эффективности. Источник: разработано авторами.
Fig. 1. Theoretical model of the construct of personal effectiveness. Source: developed by the authors.

рамками внутренний мир человека, его ценностные ориентации и экзистенциальную наполненность деятельности, столь важные для человекоцентричного подхода.

Проведенный сравнительный анализ выявил определенную ограниченность рассматриваемых концепций в части понимания и оценки совокупности характеристик, обеспечивающей эффективность личности в условиях человекоцентричности. Данные основания позволили выделить особенности нового конструкта и предложить модель личностной эффективности, объединяющей продуктивность с актуальными ценностями, базирующимися на глубоком уважении и сохранении целостности субъекта. Таким образом, личностная эффективность определяется как *устойчивое проявление личности в деятельности, выражающееся в способности достигать значимых результатов через осознанное использование внутренних и внешних ресурсов, сохраняя смысловую наполненность активности, психологическое благополучие и качество социальных взаимодействий.*

Структура феномена, представленная на рисунке 1, раскрывается через три взаимосвязанных и реципрокно-обусловленных

измерения, отражающих разные уровни организации личности.

Интраперсональное измерение отвечает за осмысленность деятельности и формирует внутренний фундамент эффективности, включая:

- когнитивно-рефлексивный компонент, обеспечивающий глубину самопознания и осознания психических процессов (Flavell, 2004);
- ценностно-смысловую сферу, задающую иерархию значимых жизненных и профессиональных ориентиров и их интеграцию в систему личностных смыслов (Барьяхтар, 2918; Laengle, 2015);
- интегративно-регуляторный механизм, поддерживающий внутреннюю согласованность и гармонизацию различных аспектов Я в процессе функционирования (Калитиевская, 2007).

Интерперсональное измерение раскрывает личность в системе социальных связей, которые, в свою очередь, являются необходимым условием для создания человекоцентричной среды. Оно проявляется в:

- способности к эмпатическому пониманию и адекватному эмоциональному отклику (Ковалева, 2012);

- эффективной вербальной и невербальной коммуникации, включая активное слушание и конструктивное разрешение конфликтов (DePaulo, 1998);
- построении устойчивых, доверительных и взаимно обогащающих отношений (Веселов, 2022; Serrat, 2017).

Метаперсональный уровень отражает такое благополучие субъекта в деятельности, которое обуславливает устойчивую эффективность, ресурсность, сохранение работоспособности и жизнестойкости, способствуя профессиональному творчеству и самореализации (Яковлева, 2021; Paralta, 2023). Важная функция этого измерения – формирование целостности личности в ее единстве с жизненным контекстом. Это подразумевает, что человек существует как неотъемлемая часть сложной системы, которая включает социокультурные, профессиональные и экзистенциальные аспекты.

Три выделенных измерения раскрываются через следующие личностные компоненты:

1. **Личностная зрелость.** В интраперсональном измерении представляет собой систему внутренних регуляторных механизмов, обеспечивающих устойчивость, целостность и адаптивность личности за счет синергии рефлексивных, ценностных, эмоциональных и когнитивных процессов, раскрываясь через параметры внутренней согласованности и саморегуляции (Малиева, 2022).

2. **Ответственная автономия.** Данный компонент отражает высший уровень развития саморегуляции и морального сознания личности, обеспечивая баланс между самоопределением и социальной ответственностью, что подтверждается в работе отечественных (Сергеев, 2021) и зарубежных

авторов (Pérez-Verdugo, Barandiaran, 2023). В человекоцентричном подходе, по мнению А. Г. Асмолова (2024), компонент проявляется в принятии решений, основанных на моральных принципах, отказе от манипуляций и создании пространства для инициативы всех участников деятельностного процесса.

3. **Эмоциональный интеллект.** В контексте человекоцентричности он трансформируется из индивидуальной способности в социально-психологический феномен культуры, в том числе организационной (Mekhala, 2024) и раскрывается в аутентичном эмоциональном присутствии субъекта, его способности формировать доверительные связи, разрешать конфликты и создавать атмосферу психологической безопасности и уважения (Holt & Wood, 2017).

4. **Благополучие в деятельности.** Является неотъемлемым индикатором и условием устойчивого проявления личностных ресурсов, достижения результатов и сохранения позитивного настроения. Определяется авторами как интегральное состояние личности, характеризующееся соответствием деятельности с ценностно-смысловой сферой, преобладанием позитивных эмоций и осознанием успешной самореализации в значимом жизненном пространстве (Bloch-Jorgensen et al, 2018; Лисовская, 2021).

5. **Самотрансценденция.** Данный компонент отражает желание личности преодолевать эгоцентрические границы (Жукова, 2009) и проявляется в бескорыстном стремлении к общему благу, готовности ставить интересы команды выше личных и создавать атмосферу, где каждый чувствует свою ценность. По мнению И. В. Абакумовой (2020), самотрансценденция выступает механизмом, связывающим самореализацию с созиданием

В РАМКАХ ЧЕЛОВЕКОЦЕНТРИЧНОЙ ПАРАДИГМЫ МОДЕЛЬ ОБЛАДАЕТ ДВУМЯ КЛЮЧЕВЫМИ ОГРАНИЧЕНИЯМИ: ОТСУТСТВИЕ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОГО КОМПОНЕНТА; НЕДОСТАТОЧНОЕ ВНИМАНИЕ К СОЦИАЛЬНО-ГЕНЕРАТИВНЫМ МЕХАНИЗМАМ ЭФФЕКТИВНОСТИ

и благополучием окружающих людей, отражая высшие уровни мотивации и ценностных ориентаций личности.

Важно отметить, что выделенные компоненты модели представляют собой взаимосвязанные и взаимодополняемые элементы, которые выступают проявлением субъектности и содержат в себе личностные, поведенческие и ценностные основания, напрямую связанные с философией человекоцентричности. Кроме того, наличие операционализированных критериев оценки выраженности данных компонентов позволяет объективно измерить уровень личностной эффективности, что, в свою очередь, открывает возможности для поддержания благополучия и развития личности в условиях новой человекоцентричной парадигмы.

Научная новизна и перспективы применения

Данная модель обращает внимание на устойчивые проявления личности в реальной деятельности, что позволяет изучать конкретные формы самореализации в различных жизненных контекстах и сферах. Вместе с тем в структуре феномена рассматриваются механизмы, способствующие гармоничному существованию: эмоциональная восприимчивость как основа взаимопонимания, автономия, учитывающая как самостоятельность, так и нравственные аспекты, а также ориентация на психологическое благополучие и качество социальных связей. Таким образом, операционализация личностной эффективности раскрывает ее как синтез субъектного авторства жизненной позиции и диалогической направленности, где способность к целеполаганию и преобразованию реальности органично проистекает из способности к распознаванию, утверждению и сотворчеству человеческого достоинства в пространстве межличностного бытия.

Предлагаемая модель задает ориентиры для разработки программ личностного развития через углубление самопознания,

рефлексии ценностей, развитие эмпатии и коммуникативных навыков, формирование стратегий поддержания благополучия. Фокус смещается с тренировки умений на глубинную личностную трансформацию. Перспективным направлением представляется разработка дифференцированных диагностических методик, учитывающих многоуровневую организацию личностной эффективности, исследование ее структурных компонентов, динамики их формирования на разных этапах онтогенеза, а также специфики проявления в различных видах деятельности.

Список источников

Абакумова, И. В., Годунов, М. В., & Гурцкой, Д. А. (2020). Самотрансценденция как основа преадаптивной стратегии смыслообразования. *Научно-педагогическое обозрение*, 3(31), 185–190. <https://elibrary.ru/ybaasy>

Антонова, Н. В. (2020). Проблема диагностики личной эффективности в процессе проведения коучинга. В *Социальная, профессиональная и персональная ответственность личности в современном обществе: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием* (с. 17–20). Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Асмолов, А. Г., Шехтер, Е. Д., & Черноризов, А. М. (2024). Совместная эволюция сообществ и их лидеров: восхождение к человекоцентричности. *Вопросы психологии*, 70(5), 1–13. <https://elibrary.ru/yzrsvb>

Бабанов, А. В. (2023). Феномен доверия к себе в человекоцентрированном подходе К. Роджерса. *Горизонты гуманитарного знания*, 3, 32–65.

Барьяхтар, О. Ф. (2018). Модель структурных компонентов личностных смыслов. *СибСкрипт*, 2(74), 85–90. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-85-91>

Богданова, В. О. (2023). Философское осмысление феномена «субъектность». *Социум и власть*, 3(97), 7–17. <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2023-3-07-17>

Брушлинский, А. В. (1991). Проблема субъекта в психологической науке (статья первая). *Психологический журнал*, 12(6), 3–10.

Брушлинский, А. В. (1994). *Проблемы психологии субъекта*. Институт Психологии РАН.

Васильева, А. В. (2016). К вопросу изучения личностного потенциала, его структуры и роли. *Человек и образование*, 2(47), 128–133.

Веселов, Ю. В. (2022). Доверие в предпринимательской среде Санкт-Петербурга: опыт эмпирического исследования. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология, 15*(4), 366–383.

Вечерин, А. В. (2011). Субъективные факторы удовлетворенности трудом сотрудников организаций. *Психология. Журнал*

ВШЭ, 8(2), 96–111. <https://cyberleninka.ru/article/n/subektivnye-factory-udovletvorennosti-trudom-sotrudnikov-organizatsiy>

Жукова, О. И. (2009). Понятие трансценденции и его значение для анализа структуры самости. *Вестник Томского государственного университета*, 323, 67–72.

Калитиевская, Е. Р., Леонтьев, Д. А., Осин, Е. Н., & Бородкина, И. И. (2007). Смысл, адаптация и самодетерминация у подростков. *Вопросы психологии*, 2, 68–80. <https://elibrary.ru/pwkgzb>

Кальбина, К. С. (2022). Личностный потенциал как фактор профессиональной успешности. *Universum: психология и образование*, 2(92), 21–22. <https://elibrary.ru/lmbcf>

Карачарова, Ю. А. (2009). Профессиональная успешность человека и критерии ее оценки. *Актуальные вопросы современной науки*, 6–3, 63–67. <https://elibrary.ru/rckhmb>

Катькало, К. Д., & Печеркина, А. А. (2022). Теоретическая модель личностно-профессиональной самореализации. *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки*, 2, 6–18. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2022-2-6-19>

Ковалева, Е. Н. (2012). Эмоциональный компонент управленческой деятельности. *Экономика и социум*, 3(3), 126–128. <https://elibrary.ru/wbgpzp>

Леонтьев, Д. А. (2010). Что дает психологии понятие субъекта: субъектность как измерение личности. *Эпистемология и философия науки*, 25(3), 136–152. <https://elibrary.ru/ncjxar>

Леонтьев, Д. А. (2016). Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал. *Сибирский психологический журнал*, 62, 18–37. <https://doi.org/10.17223/17267080/62/3>

Лисовская, А. Ю., Кошелева, С. В., Соколов, Д. Н., & Денисов, А. Ф. (2021). Основные подходы к пониманию благополучия сотрудника: от теории к практике. *Организационная психология*, 17(1), 93–112. <https://elibrary.ru/ecdenh>

Лощакова, А. Б. (2015). О содержании и соотношении понятий «Личная эффективность» и «Самозффективность» в психологической науке. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*, 5(2), 1–10. <https://elibrary.ru/ujfqvd>

Малиева, Е. С. (2022). Особенности взаимосвязи личностной зрелости с различными конструктами структуры личности. *Международный научно-исследовательский журнал*, 8(122), 1–14. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.122.104>

Мельников, И. И. (2009). Основы личной эффективности. *Вестник государственного университета морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова*, (3), 1–7. <https://elibrary.ru/mtauzn>

Моросанова, В. И. (2014). Осознанная саморегуляция произвольной активности человека как психологический ресурс достижения целей. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 7(4), 62–78. <https://elibrary.ru/tfczax>

Николаев, Д. Е. (2025). Человекоцентричность и потенциал человека: экзистенциальный ракурс. *Новые психологические исследования*, 2, 30–50. https://doi.org/10.51217/npsyresearch_2025_05_02_02

Обознов, А. А. (2016). Психология профессиональной деятельности: комплексный подход (к 85-летию со дня рождения В. А. Бодрова). *Наука. Культура. Общество*, 3, 1–13. <https://elibrary.ru/hkdtcj>

Осницкий, А. К. (1996). Проблемы исследования субъектной активности. *Вопросы психологии*, 1, 5–19. <https://elibrary.ru/svzneu>

Павлова, А. В. (2010). Потенциал личности: креативность и личностная автономия. *Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество*, 5, 24–26. <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-lichnosti-kreativnost-i-lichnostnaya-autonomiya>

Плотинский, Ю. М. (2010). «Общество знаний» и развитие когнитивного подхода. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*, 1, 45–62. <https://elibrary.ru/lstrebn>

Романова, Е. С., & Абушкин, Б. М. (2019). Ценностно-смысловая направленность личности обучающихся как фактор развития их личностного потенциала. *Системная психология и социология*, 4(32), 5–16. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2019.32.4.01>

Самольянов, О. А. (2024). Принципы человекоцентричности в современной России: социально-философский анализ. *Социально-гуманитарные знания*, 3, 214–218. <https://elibrary.ru/bnboye>

Сергеев, С. М. (2021). Личностная автономия и самодетерминация в процессе социального самоопределения: социально-философский аспект. *Вестник Армавирского государственного педагогического университета*, 2, 96–103. <https://elibrary.ru/jrxlhl>

Тропникова, В. А., & Маленова, А. Ю. (2023). Структура и социально-психологические особенности личной эффективности руководителей. *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*, 1, 6–16. <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2023.1.6-16>

Штроо, В. А. (2016). Человекоцентрированный подход и практика управления персоналом в российских организациях. *Организационная психология*, 6(3), 91–104. <https://elibrary.ru/xikupx>

Яковлева, Е. А., & Крячко, В. И. (2021). Профессиональная продуктивность и субъективное благополучие. *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*, 12(4), 110–120. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2021.12.4.110-120>

References

Bandura, A. (1982). Self-efficacy mechanism in human agency. *American Psychologist*, 37(2), 122–147.

Bloch-Jorgensen, Z. T., Cilione, P. J., Yeung, W. W. H., & Gatt, J. M. (2018). Centeredness Theory: Understanding and measuring well-being across core life domains. *Frontiers in Psychology*, 9, 610. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00610>

DePaulo, B., & Friedman, H. S. (1998). Nonverbal communication. In D. T. Gilbert, S. T. Fiske, & G. Lindzey (Eds.), *The handbook of social psychology* (Vol. 2, pp. 3–34). McGraw-Hill.

Flavell, J. H. (2004). Theory-of-mind development: Retrospect and prospect. *Merrill-Palmer Quarterly*, 50(3), 274–290.

Holt, S. S., & Wood, A. (2017). Leadership and emotional intelligence. In J. Marques & S. Dhiman (Eds.), *Leadership Today* (pp. 111–138). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-31036-7_7

Laengle, A. (2015). Existential analytic understanding of emotion: Theory and practice. *National Psychological Journal*, 1(17), 26–38. <https://doi.org/10.11621/npj.2015.0104>

Locke, E. A., & Latham, G. P. (1990). Work motivation and satisfaction: Light at the end of the tunnel. *Psychological Science*, 1(4), 240–246. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.1990.tb00207.x>

Maddi, S. (1999). The personality construct of hardiness: Effects on experiencing, coping and strain. *Consulting Psychology Journal: Practice and Research*, 51(2), 83–94. <https://doi.org/10.1037/1061-4087.51.2.83>

Mekhala, R. S. (2024). Emotional intelligence and job performance. In *Emotional Intelligence Matters* (pp. 33–99). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-981-99-7727-7_2

Peralta, R., Simões, E., & Duarte, A. P. (2023). Subjective well-being in organizations: Effects of internal ethical context and ethical leadership. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 20(5), 4451. <https://doi.org/10.3390/ijerph20054451>

Pérez-Verdugo, M., & Barandiaran, X. E. (2023). Personal autonomy and (digital) technology: An enactive sensorimotor framework. *Philosophy & Technology*, 36, 84. <https://doi.org/10.1007/s13347-023-00683-y>

Ryan, R. M., & Deci, E. L. (2022). Self-determination theory. In F. Maggino (Ed.), *Encyclopedia of quality of life and well-being research* (pp. 1–7). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-69909-7_2630-2

Serrat, O. (2017). Building trust in the workplace. In *Knowledge solutions* (pp. 627–632). Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-10-0983-9_69

Staats, A. W. (1988). Skinner's theory and the emotion-behavior relationship: Incipient change with major implications. *American Psychologist*, 43(9), 747–748. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.43.9.747.bh>

Vallerand, R. J. (2000). Deci and Ryan's self-determination theory: A view from the hierarchical model of intrinsic and extrinsic motivation. *Psychological Inquiry*, 11(4), 312–318.

Personhood Effectiveness from an Anthropological Perspective: from Concept to Operationalization

Olga V. Ivanova
Postgraduate student, Department of General and Social Psychology, Dostoevsky Omsk State University (55-A, Mira Av., Omsk, Russian Federation, 644077), <https://orcid.org/0009-0004-0525-1471>, e-mail: 777.76@mail.ru

Arina Yu. Malenova
PhD in Psychology, Associate Professor, the Department of General and Social Psychology, Dostoevsky Omsk State University (55-A, Mira Av., Omsk, Russian Federation, 644077), <https://orcid.org/0000-0001-5778-0739>, e-mail: malyonova@mail.ru

ABSTRACT The article presents the result of theoretical and methodological work on the operationalization and substantiation of the construct «personhood effectiveness» in the context of the development of human-centered values in various spheres. Based on fundamental theories of personality (existential, subject-activity), the author's definition of the phenomenon of personal effectiveness as a stable manifestation of integral characteristics of personality in activity is proposed, as well as its structural model, including three dimensions: intrapersonal, interpersonal and meta-personal, revealed through five components: emotional intelligence, self-transcendence, personal maturity, responsible autonomy, well-being in activity. The scientific novelty of the approach is substantiated and the prospects for applying the model in various life contexts are outlined.

KEY WORDS personal effectiveness, human-centeredness, subjectivity, personality, subject of activity, personal effectiveness, personal potential, theoretical operationalization

TO CITE Ivanova, O. V., & Malenova, A. Yu. (2025). Personhood Effectiveness from an Anthropological Perspective: from Concept to Operationalization. *Educational Policy*, 23(4), 20–30

© Ivanova O. V., Malenova A. Yu., 2025

Received: 06.11.2025
Accepted: 20.11.2025
Date of publication: 30.12.2025

